

чим и с подданными твоими и Краков, столицу твою, без вшеякого милосердия разгребем, и укрижованного бога твоего потрем на веки, и веру твою викореним, а посвецоних твоих конми порозволючоваем».¹⁸

В письме Сигизмунда III есть насмешки над султаном: «Пишешься освещоним, а ти ешь ослеплений», и угрозы: «але сподевамь то за помощю бога моего укрижованного, же орел полский у коротком часе у Царигороде Махомета проклятого и тебе самого искоренит огнем, а люд твой поганий мечем полским зотрет и вневеч обернет, бо вем час згиненя твоего проклятого».¹⁹

«Листовная корреспонденция» написана на украинском языке с небольшим количеством полонизмов. Путь ее до нас довольно сложен. У Величко она приложена к дневнику Матфея Титлевского — польского автора, чьи записки были переведены на украинский язык.²⁰ Сама же переписка взята «з кронечки рукописной козацкой, в Переясловле Малоросийскому року 1636 написанной».²¹ Несмотря на то что в ней упоминаются исторически достоверные события, ее все же нельзя считать переводом польского документа. Скорее всего эта корреспонденция была вымышлена казаками, на что указывает и типичный для казачьей переписки титул турецкого султана: «Алхерове великому, заслепленому противникове божию, кобыльниково негодному, поганину потопенному, сину чортовскому, дедичове пекелному, потомкове люципера, велзабула антихриста, от века проклятому сину...»²² Титул этот знаком нам по письму запорожцев турецкому султану и по русской версии этого письма — переписке чигиринских казаков с султаном.²³

Таким образом цикл легендарных грамот 70-х годов XVII в., несомненно, имел предшественников в первой четверти XVII в. Эти произведения тесно связаны со средой Посольского приказа и сходной с ней по литературным традициям средой казачьей канцелярии, они находятся где-то на грани документа и литературного произведения. Современники (Конрад Буссов, составители курантов), а также и использовавшие их впоследствии авторы (Самуил Величко) старались выдать их за документы; однако в числе бесспорных документальных материалов мы их не встречаем. Какие же все-таки были основания в Посольском приказе считать, что подобные документы существовали?

Мы знаем, что слухи о дипломатических конфликтах султана с польским королем доходили до Москвы. Так, давая свои показания, киевский житель Степан Василев, посланный в Валахию, сообщил в 1672 г. 11 февраля, будто слышал, что от короля прислан к турецкому султану посол и «писал-де король полской и речью велел ему, салтану, говорить: прислал-де он, турской салтан, чтоб-де отдать Каменец Подолской, и король-де полской салтана не страшен, Каменца Подолского не отдаст, а если-де ему, салтану, Каменец Подолской надобен и он бы-де доставал его через меч,

¹⁸ Там же, стр. 5.

¹⁹ Там же, стр. 3, 4.

²⁰ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 2, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1583.

²¹ С. Величко. Летопись..., стр. 3.

²² Там же.

²³ См.: Русская старина, т. 6, СПб., 1872, стр. 450—451; А. Попов. Изборник..., стр. 456; Переписка чигиринских казаков, стр. 311. Такие титулы вовсе не вымыслы, созданные в узком кругу книжников. Они были довольно широко распространены на Украине в XVII в. Нежинский протопоп Симеон Адамович в 1672 г. в своих письмах к окольничему Артемию Сергеевичу Матвееву называет изменника Петра Дорошенко — «внук люципера пекелнаго» и «внук сатанина угодника», см.: Акты, относящиеся к истории южной и западной России (далее: АЮЗР), т. XI. СПб., 1879, стлб. 58, 82.